

Пинчэн

Если кто и преисполнился истинного ликования, узнав о намерении Сяо Жуна убедить государя перенести столицу, так это Юй Шаосе. Стоило ему переступить порог покоев юноши, как всё его лицо буквально засветилось от восторга.

— Я так и знал, брат Сяо! Мы с тобой — единомышленники, одной тропой идем!

Сяо Жун лишь неопределенно хмыкнул. Эти слова прозвучали как-то двусмысленно.

— Ну что хорошего в этом округе Яньмэнь? — продолжал горячиться Юй Шаосе. — Только Великому вану могло прийти в голову перебраться в такую глушь, да еще и дворец здесь выстроить. Да даже соседний округ Дай по всем статьям превосходит эти земли!

Осознав, что слегка потерял лицо от избытка чувств, собеседник негромко кашлянул.

В глазах Юй Шаосе юноша был истинным благородным мужем — спокойным, рассудительным, полным достоинства и, что самое главное, совершенно не трепещущим перед властью имущими. Он видел в нём родственную душу, но признавал, что тот превосходит его самого во много крат.

Оба они не боялись смерти, но Сяо Жун умудрялся не просто выходить сухим из воды после бесед с Чжэньбэй-ваном, но и по-настоящему влиять на его решения. Шаосе же, сколько ни старался, раз за разом нуждался в чьем-то спасении.

Ему было немного совестно: будучи на несколько лет старше, он и вполтину не обладал той невозмутимостью, что была присуща Сяо Жуну.

Впрочем, Юй Шаосе предпочитал держать эти мысли при себе, поэтому Сяо Жун и не догадывался о его чувствах. Тот лишь с легким недоумением наблюдал, как гость то скорбно вздыхает, то решительно сжимает кулаки.

«Опять он за свое... — пронеслось в голове юноши. — Что это за странный ритуал?»

Шаосе полагал, что немногословность коллеги — признак высочайшей культуры: дескать, столкнувшись с чужой несдержанностью, тот лишь одаривает понимающей улыбкой. Истина же была куда прозаичнее.

Сяо Жун считал, что вытянул из этого «древнего бунтаря» всё, что только можно. Юй Шаосе, с его пылом и предвзятостью, перестал представлять для него ценность как источник

информации.

Так они и вели беседу — каждый о своем. Почтение Шаосе к юноше росло с каждой минутой. Без всяких расспросов он принялся изливать душу, а хозяин покоев время от времени вставлял короткое «да» или со смыслом кивал, хотя мыслями витал уже очень далеко.

Лишь когда Юй Шаосе задал прямой вопрос, Сяо Жун наконец вернулся в реальность.

— Простите, брат Юй, что вы сказали?

Гость улыбнулся, так и не заметив рассеянности собеседника:

— Я спрашивал, куда, по вашему мнению, Великому вану стоит перенести столицу?

Юноша захлопал ресницами и задал встречный вопрос:

— А вы как думаете?

— Разумеется, в Чанъань! — чеканя каждое слово, ответил Юй Шаосе.

«Ну кто бы сомневался»

Многие желали переноса столицы, но за их высокими речами почти всегда скрывались личные интересы. Когда династия Юн бежала на юг, она разбила сердца жителей к северу от реки Хуай и внушила тревогу тем, кто остался на юге. И хотя великие кланы последовали за императором, многие до сих пор видели сны о возвращении в Чанъань и возрождении бывшего величия времен императора Сюй У-ди.

Без преувеличения, восемь из десяти сановников при дворе Южной Юн грезил именно об этом.

Главным поборником этой идеи был дядя императора. По чистой случайности, этот высокородный господин носил фамилию Сунь. Клан Сунь входил в число первейших семей Поднебесной и был известен как клан Сунь из Пиньяна.

Того самого Пиньяна, где уже побывал Сяо Жун.

Инспектор Пиньяна был тесно связан с семьей Сунь. В то время как другие города лежали в руинах, Пиньян процветал лишь потому, что некогда был родовым гнездом этого клана. Сунь Жэньлуань верил, что рано или поздно вернется домой, а потому тайно оказывал инспектору всяческую поддержку.

И Цюй Юньме не зря посетил город некоторое время назад — он сделал это именно из уважения к Сунь Жэньлуаню. Пока сянби не были истреблены, Великий ван не собирался идти на юг, а потому отношения между двумя берегами пока оставались миролюбивыми.

Часть южан надеялась, что нынешний императорский двор окрепнет и вернет им столицу предков; другие же, видя, что династия Юн безнадежна, искали нового господина и связывали свои чаяния с ним.

Юй Шаосе был ярким представителем второй группы, как и генерал Ван Синъюн, выходец с юга. В конечном счете, они мало чем отличались от Цюй Юньме — все они жили мечтами.

Один грезил о Чанъане, а другой — о заставе Яньмэнь.

Надо же, даже нечаянно в рифму получилось.

Сяо Жун не сдержался и тихо хмыкнул. Когда он улыбался, возникало ощущение, будто снег и лед мгновенно тают. Юй Шаосе даже замер, глядя на него, и подумал, что родители юноши точно не ошиблись с именем.

— О чем вы задумались, брат Сяо? — полюбопытствовал Шаосе.

Юноша прочистил горло, принимая серьезный вид:

— Я подумал о том, что Чанъань — место благодатное, сама земля там рождает таланты. Однако сейчас перенос столицы нужен прежде всего для того, чтобы развеять проклятие Знамени Чию. Чанъань же расположен на северо-западе, боюсь, в этом деле от него будет мало проку.

Собеседник был в корне не согласен. Само имя «Чанъань» значило слишком много — это был вечный город, колыбель империй! Разве могла какая-то хвостатая комета тягаться с его величием?

Но поскольку эти слова произнес Сяо Жун, Юй Шаосе подавил желание возразить и сдержанно спросил:

— И какое же место, по-вашему, будет лучше Чанъаня?

В его голосе всё же проскользнула нотка обиды.

Сяо Жун отхлебнул чаю и твердо произнес:

— Чэньлю.

Юй Шаосе лишился дара речи.

***

Перенос столицы в Чэньлю был для Сяо Жуна лишь одним из вариантов. Он вовсе не собирался принуждать Цюй Юньме выбирать именно этот город. Главное — вырваться из округа Яньмэнь, а будет это Чанъань, Лоян или Чэньлю — не так уж важно.

Однако Юй Шаосе, похоже, принял это близко к сердцу. Он уходил в крайнем расстройстве, явно желая что-то сказать, но сдерживаясь из последних сил. Сяо Жун заметил это, но не подал виду.

Ничего не поделаешь, таков уж был Сяо Жун — крайне бессердечный студент, всеми силами цепляющийся за собственную жизнь. Всё, что не касалось его безопасности, его мало волновало.

Проводив гостя, юноша принялся прикидывать сроки. Перенос столицы — дело небыстрое. Даже если Великий ван согласится, на это уйдет минимум полгода: нужно привести в движение армию, перевезти семьи... Это не поспешное бегство, как у императора Гуанцзя, здесь нужен порядок.

И эти полгода он не собирался сидеть сложа руки — дел предстояло невпроворот.

Раздобыв у стражников подробную карту, Сяо Жун некоторое время изучал её, а затем отправился к государю.

Гвардейцы у центрального зала преградили ему путь, сообщив, что Великий ван занят обсуждением дел с канцлером Гао. Юноша уже хотел развернуться, но изнутри донесся зычный голос, велевший ему войти.

Он удивился, но всё же поднялся по ступеням.

В зале Гао Сюньчжи и Цюй Юньме сидели друг напротив друга. Судя по выражению лиц, беседа шла в мирном русле.

Цюй Юньме лениво вскинул веки и бросил:

— Что у тебя?

Сяо Жун коротко поклонился и разложил карту прямо перед Чжэньбэй-ваном.

— Государь, пленные прибыли, а значит, нельзя давать им бездельничать. Взгляните сюда: в этом месте, подле Пинчэна, находятся богатейшие залежи угля. Пласты лежат прямо на поверхности, их можно добывать открытым способом. Прошу вас, направьте авангард на разведку, пусть они оцепят месторождения, а затем мы перебросим туда пленных. Уголь горит жарко и долго, он может заменить дрова. С ним этой зимой ни воины, ни простой люд не будут страдать от холода.

Цюй Юньме уставился на то место, куда указывал палец советника. Его лицо не выражало ровным счетом ничего.

И дело было не в его хваленном спокойствии, а в том, что он понятия не имел, что такое «уголь».

Ископаемое топливо было известно людям давно, но такие, как Сяо Жун, понимали его истинную ценность, в то время как обычный народ с ним почти не сталкивался. Цюй Юньме хоть и был в прошлом молодым генералом Армии Чжэньбэй, но ни он, ни его войско не отличались глубокими познаниями в подобных вещах.

В тех случаях, когда Великий ван сталкивался с пробелами в своих знаниях, он придерживался одного незыблемого правила: молчать и ждать, пока заговорят другие.

Гао Сюньчжи слышал об угле, но никогда не видел его в деле, а потому не выказал восторга. Сяо Жун переводил взгляд с одного на другого, и в его глазах начало зарождаться подозрение.

Канцлер, проявив чуткость, задал наводящий вопрос, и юноша, помедлив, принялся подробно всё объяснять. Когда до Гао Сюньчжи наконец дошло, какое сокровище оказалось у них под боком, он не смог сдержать волнения:

— Неужели его и впрямь так много?!

Сяо Жун кивнул:

— Глубокие пласты нам пока не достать, но даже того, что лежит на поверхности, хватит на долгие годы. Обогрев жилищ — вечная беда народа. Уголь хоть и хорош, но пока будет стоить дорого. Поэтому я предлагаю поначалу не продавать его, а использовать для нужд кузниц и литейных. А те дрова и древесный уголь, в которых армия больше не будет нуждаться, мы раздадим беднякам перед наступлением холодов. Кроме того, у меня есть и другие идеи, как сделать эту зиму теплее.

Цюй Юньме поднял голову. Глядя на едва заметную улыбку на лице юноши, он почувствовал странное смятение.

Реакция Гао Сюньчжи была куда более бурной. Подражая Сяо Жуну, он схватил того за руки, и его глаза увлажнились от благодарности:

— Поистине, господин Сяо — человек великой души! Господин... ах, могу ли я, старик, называть тебя просто А-Жун?

Тот дернул уголком губ, вежливо пытаясь высвободиться:

— Нынче только бабушка дома зовет меня Жун-эр.

Канцлер растроганно посмотрел на него:

— Прекрасно, тогда я буду звать тебя Жун-эр!

— ...Давайте всё же остановимся на А-Жуне.

Гао Сюньчжи, разумеется, спорить не стал. Он усадил юношу рядом, теперь окончательно видя в нем любимого внука, и принялся рассыпаться в похвалах, которым не было конца.

Цюй Юньме какое-то время даже не мог вставить слова. Он открывал рот, закрывал его, снова открывал... Наконец, улучив краткий миг тишины, он быстро спросил:

— Откуда тебе известно, что в Пинчэне есть уголь?

Сяо Жун обернулся и, не моргнув глазом, ответил:

— Я высчитал это по звездам.

Гао Сюньчжи, недовольный тем, что его прервали, тут же подхватил:

— Истинно так! У А-Жуна настоящий дар! Смех берет, когда слышишь, как в Учении Чистого Ветра славят своего главу и его «чудеса». Пустая болтовня! То ли дело наш А-Жун — всё, что он предлагает, приносит реальную выгоду!

Цюй Юньме помрачнел. Весь его вид так и кричал:

«Ты же сам говорил, что не умеешь гадать!»

Юноша в ответ лишь дерзко вскинул бровь, словно говоря: «Верно, не умею. Вот и гадай теперь, откуда я всё знаю».

Великий ван почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение.

А канцлер Гао, оказавшийся между ними, был начисто проигнорирован. Он наблюдал за их безмолвным поединком взглядов, понимая, что между ними происходит сложный диалог, из которого он не уловил ни единого слова.

Канцлер пребывал в полной растерянности, пока Сяо Жун внезапно не расцвел в ослепительной улыбке, празднуя свою маленькую победу. После этого юноша снова обратился к Гао Сюньчжи:

— Канцлер, хотя в учении Чистого Ветра одни шарлатаны, они сумели завлечь бесчисленное множество людей, готовых следовать за ними безвозмездно. В этом и заключается сила веры. У меня есть знания, но я ничего не смыслю в проповедях и в том, как вести за собой толпу. Нам не хватает не только воинов, но и людей духа. Если мы сумеем привлечь на свою сторону прославленного монаха или почтенного даоса, народ сам потянется к нам. Это избавит нас от множества хлопот.

Гао Сюньчжи дважды моргнул. По правде говоря, идея ему пришла по душе. Само его имя говорило о том, что либо он сам, либо его родители были ревностными приверженцами даосизма.

Однако он не спешил соглашаться, а молча покосился на государя.

Как и следовало ожидать, Цюй Юньме отрезал с ледяным лицом:

— И не надейся! В Армии Чжэньбэй будет только один мистик. Если появится еще один — не пеняй потом, если я решу убить курицу, чтобы припугнуть обезьян!

Сяо Жун замер.

«Можно уточнить... — юноша на мгновение лишился дара речи, — кто из нас в этой метафоре курица, а кто — обезьяна?»

<http://bllate.org/book/15355/1417023>